

ВНУТРИ НЕРАЗМЫКАЕМОГО КРУГА

*Холодная черта зари,
Как память близкого недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.*

Александр Блок

Талантливый, самобытный, непохожий ни на кого из предшественников Виктор Панкратов, которому в августе исполнилось бы 85 лет, неразрывно связан с русской классической поэзией. По воле обстоятельств, связанных с развалом Советского Союза, с 90-х годов прошлого века он оказался «внутри неразмыкаемого круга» воронежской известности, так и не вырвавшись за его пределы. И вовсе не лень была тому причиной, а смутное время, с его равнодушием к любому творчеству, финансовая неспособность поэта с тиражами его книг в 100-200 экземпляров, полный упадок интереса к поэзии у «самой читающей» страны, теперь вынужденной выживать и заботиться не о пище духовной, а о хлебе насущном. Исчезло рвение и у светил литературоведения и литературной критики — у воронежских в том числе.

При жизни поэта не было ни одной публикации с оценкой его лирики. Автор этих строк, далекий от филологического образования и писательской среды, в одиночку, насколько ему позволяло

понимание весомости панкратовского творчества, пытался говорить о нем в прессе. Если воронежских поэтов Анатолия Жигулина и Алексея Прасолова, говоря современным жаргоном, «раскрутили» еще при советской власти равнодушные к их творческим судьбам люди, включая Анатолия Абрамова и Александра Твардовского, а также многочисленные тиражи поэтических сборников, разошедшихся по всей России, то «раскрутить» Виктора Панкратова было некому. Его очень интересные сборники стихотворений «Звездочеты с детскими глазами» (1992), «Святцы Лукичевского лета» (1997), «Останется остуды странный след» (2001) просто не заметили. Как не вспомнить здесь строки поэта Льва Озерова: «Талантам надо помогать, // Бездарности пробьются сами».

Виктору Панкратову не помог никто... Сборник «Святцы Лукичевского лета» вышел тиражом всего в 300 экземпляров, а «Останется остуды странный след» на средства, собранные друзьями

и почитателями поэта был издан тиражом... в 100 экземпляров.

Виктор Панкратов, как писал о нем в предисловии к сборнику стихов «Это сладкое право на грусть...» Эдуард Пашнев, «...был человеком большим и веселым». Но в этом большом, от крестьянских корней, теле жила многими не понятая, добрая, тонкая и ранимая душа. Он не терпел фальши ни в поэзии, ни в человеческих отношениях, и на всякую обиду и несправедливость реагировал немедленно и весьма эмоционально. Вероятно, поэтому в писательской среде 1990-х прослыл человеком несговорчивым, строптивым. Жаль, но «остуды странный след» был его уделом все последнее десятилетие жизни. Ведь не зря, когда у него случился пожар в квартире, где многое сгорело, и я обратился в писательскую организацию за помощью, никто не пришел не то чтобы помочь, но просто узнать, как обстоит дело. Несмотря на то, что у поэта бывало достаточно посетителей, друзей и псевдодрузей, он, как и большинство творческих людей, был одинок.

Принципиально не желая просить о помощи, он жил впроголодь на маленькую пенсию и бывал неизменно рад моему приходу и приходу других друзей и знакомых, которые поддерживали его съестным.

Знали мы друг друга давно, еще с 1960-х, когда он работал в «Подъеме», а я посещал литобъединение при этом журнале. Однако то было просто знакомство. Я открыл его для себя заново в 1997 году, прочтя сборник «Святцы Лукичевского лета». Это был совершенно другой уровень поэзии Панкратова, где он предстал зрелым, сильным мастером, влюбленным в природу родного заповедного края.

Мы встретились через 33 года, чтобы уже не расставаться до его ухода из жизни. Мы дружили на равных все десять лет и, вопреки мнению о его непредсказуемом поведении, между нами никогда не возникало даже тени какого-либо недоразумения. Наши взаимоотношения были неизменно добрыми и душевными.

Шесть лет после выхода в свет сборника стихотворений «Останется остуды странный след...» на подоконнике у Виктора лежала рукопись его новой книги «Это сладкое право на грусть...» Я ходил по инстанциям, добивался выделения средств на ее издание. Обращался к губернатору, к председателю областной Думы, к мэру Воронежа. Ответ был один: «Нет средств».

Только после моего обращения к губернатору В.Г. Кулакову в начале 2007 года дело сдвинулось с мертвой точки. Но увидеть книгу Виктор не успел.

В один из дней начала августа мне позвонила детская писательница В.А. Шипулина и передала просьбу Панкратова срочно приехать. Я немедленно отправился к нему. Рукописи на окне не было. Панкратов уже не поднимался с кровати.

— Найди рукопись... Я не знаю, где она... Только ты сможешь ее издать, — тяжело, с паузами произнес Виктор.

Рукопись я отыскал рассыпанной, со следами грязных подошв на листах, в куче мусора, собранного на выброс. Опоздай я на день — и было бы уже поздно. Несколько дней я работал с ней. Так как многих листов не хватало, пришлось заново печатать недостающие стихотворения. Хорошо, что сохранилось содержание. Хлопоты по ее изданию легли на меня уже после смерти поэта.

Существует мнение о том, что Виктор Панкратов был талантлив только в библиофильской поэзии, где талант его проявился «в мощном напоре чувств, блеске метафор, сочности и тонкости характеристик, проникновенном лиризме». И весьма скептически оценивается все остальное его творчество, где «...даже в позднейших великолепно отточенных стихах было слишком много чисто технических изысков и не хватало душевного порыва, искренности и глубины чувствования».

Не могу с этим согласиться. Мог ли поэт, талантливый в той поэзии, которая была лишь веткой на древе его творчества, не проявлять сходных качеств во всех иных своих стихах?

В предисловии к посмертной книге Панкратова «Это сладкое право на грусть...» известный поэт и драматург Эдуард Пашнев, друг молодости Виктора, отметил, что стихотворения его «...это все та же любовь и нежность ко всему живому и естественному, к людям, стрекозам, травам и деревьям». А ведь по любви и нежности ко всему живому и определяется «глубина чувствования».

Тянет к лесу, деревне и вольнице,
край дорог полевых не забыт...
Клохчет рыжий петух на околице —
клювом целится в лунки копыт.
Побережник с ветвями оклеплыми —
милой родины тихая дань.
Вновь тумана седыми волокнами
Голубая заштопана даль.
Я, рассветного омута первенец,
мир природы листаю,
а в нем
нескончаемо булькает перепел
на июльском лугу заливном...

Виктор Панкратов — певец природы, по образному строю своих стихов, по глубине чувства, по удивительной зоркости и образности восприятия родного края. Он сумел выразить и подарить людям каждый природный штрих и дуновение, незаметные равнодушному взгляду, все оттенки света и цвета. Только в одном стихотворении «Такая жизнь» он передал «зыбкую темень» ночи и «дрему сладкую в стогу», «языческое пламя костра» и «лунный отблеск на стерне»...

А сколько таких стихотворений в его последней книге. Грусть и духовное одиночество сопровождали его все последние годы и нашли отражение во многих стихотворениях. А вместе с тем и размышления о праведном и грешном, о душевной чистоте, о любви к женщине, к малой и большой родине. Любви не декларативной, а сокровенной, узнаваемой по многим приметам, отмеченным зоркостью искренне любящего сердца. Разве не тро-

нут душу человека, не вызовут отклика такие строки:

Мне останется гречишная Русь.
Храм на пригорке...
Землица сырая...
если захочется грешного рая —
голосом Бога тебе отзовусь,
в сердце святую молитву вбирая...

В который раз перечитываю стихи Виктора Панкратова, и каждый раз снова поражаюсь их проникновенности, неожиданным и образным метафорам, новым словам и рифмам, которых не встречал у других авторов.

Рожденный в свитском доме Рамонского замка, он любил Рамонь, ее запovedные места, и неоднократно упоминал об этом в своих стихах. В самые трудные времена он писал:

Я не сдаю:
во мне дымит огарок
рамонской неуступчивой судьбы.

И в стихотворении «Завещание» читаем:

Я могу умереть на Васильевском острове...
Только пусть похоронят в Рамонском лесу.

К сожалению, это желание его не было выполнено. Скорей всего, никто не захотел лишних хлопот...

Он так и не вырвался за пределы «неразмышаемого круга», на простор российской словесности, не смог донести до широкого читателя «ранней звезды изумленную душу».

Но прожил свою творческую жизнь честно и достойно, работая над стихами изо дня в день, оставив прекрасные волнующие лирические стихотворения.

А душе-то,
ей нужны ли чьи-то розыски?
Мысль моя наипоследняя проста:
Все равно я жизнь
прожил по-божески,
даже если будет
только темнота!..

Михаил КАМЕНЕЦКИЙ

ТАКАЯ ЖИЗНЬ

Звезды в небе.
Ветер в поле.
Дрема сладкая в стогу...
В серебристом ореоле
жеребенок на лугу.
И размыты очертанья.
Темень зыбкая остра.
В ней — языческое пламя
невысокого костра.
По откосам стыннут росы.
Лунный отблеск на стерне.
Ночь извечные вопросы
задает тебе и мне.
— Так ли жили?
— Так ли пели?
Жизнь бесхитростно проста —
от младенческой купели
до созвездия Креста.
До погоста, что в Рамони, —
только час туда езды...
До черты на небосклоне
вдруг погаснувшей звезды!

1987

ДОСТОЙНЫЙ ЗАПРЕДЕЛ

Анне Игнатьевне Чередниченко

Загостился,
хоть и думал — ненадолго я:
надо мной еще грустит твоя струна,
травостойная, гречишная, медовая,
терпеливая простудная страна.
Вспоен горькими я зельями-дурманами:
там, где истины истерты до трухи,
где под зыбкими текучими туманами —
слово к слову, — и рождались вдруг стихи.
Я от них уже почти отрекся, полноте —
не хочу бессонной множить маеты.
— Улыбнитесь, если ненароком вспомните:
христианской я жаждался доброты.
И тогда, мои посмертные радетели, —
бестелесен, безъязык и невесом —
я не знаю, за какие добродетели
буду в райские хоромы вознесен.
А душе-то, ей нужны ли чьи-то розыски?..
Мысль моя наипоследняя проста:
— Все равно я жизнь прожил по-божески,
даже если будет только темнота!..

1993

ВЕЧЕРНЕЕ

Старые письма найди и порви.
Грустью не вызноси редкие встречи.
Вечер доверчиво трогает плечи
улочке имени Странной Любви,
метит каштана оплывшие свечи.
Гладит торопко на листьях ворсу.
Боль и разлука в глухом приговоре,
может быть, все обустроится вскоре,
но искупительно не принесу
я на губах волноликое Море.
— Мне остается гречишная Русь.
Храм на пригорке...
Землица сырая...
Если захочется грешного рая —
голосом Бога тебе отзовусь,
в сердце святую молитву вбирая.
Выберешь ли тривиальную явь —
я подчиняюсь святому итогу:
— Вырви надежду, но только оставь
путнику

Поле, Звезду и Дорогу...

1993

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

... Гуси над скошенной нивой.
Жухлой лецины кора.
Тихой — грибной и дождливой —
выдалась нынче пора.
В сумерках табор растаял.
Слезно взгрустнула ветла.
Песня медовая с травня
в плавни заката вплыла.
— Била нежданною крупкой —
так безмятежно бела —
строгой, воздушной и хрупкой
поздняя осень была...

2001

СТИХИ И СЕРДЦЕ

— Да здравствует сердце!..
К чему я о нем?
И, право, какая нелепость,
что новым стихом, как Троянским конем
его подрывается крепость.
... Косяк журавлей над моей головой,
где соты просторов медовы...

Деревья с надтронутой ветром листвой
стоят, как на кладбище вдовы.
Над лесом сырым по углянской версте
проносится стайно скворечье.
И снова распят на церковном кресте
сентябрьский доверчивый вечер.
Подщипанный луг с лошаденкой гнедой.
Грустят над овражем березы.
Качаясь над усманской нежной водой,
легко засыпают стрекозы.
Под мостиком шатким темны берега —
раздолье густому безмолвью...
Закатно из розовой мочки серьга
на вербочке вырвана с кровью.
Но я не спешу отпевать эту водь
и ставить последнюю точку.
Взрывается сердце...
— Спасибо, Господь,
что даришь еще одну строчку!..

1998

СВЕТ ЛЮБВИ

Принимаю в душу детства лебеду.
За мостком из бревен —
тени тесным кругом.
Воздух прян и сладок, будто на меду.
Травы изумрудные
царствуют над лугом.
Светел и узорчат облака киот.
Сочиняют песню птицы-мастерицы.
Синева лазурная медленно плывет
под твои иконные —
длинные ресницы...

2001

БЕСЦЕННОЕ НАСЛЕДСТВО

Тетка Оля — добрейших статей человек:
на земле и в дому за троих попахала.
— Пожила бы еще!.. Только кончился век.
Оступилась Душа без страны краснотала...
Бестелесно она воспарила впервой —
но улыбку хранит пожелтелое фото...
А в рамонских краях день играет травой,
водяными глазами поводит болото...
Побережный песок стадом заспанным взрыт.
Утро катит малиновый шар на востоке.

Третьи сутки подряд утка плачет навзрыд
в камышовой и чуть маслянистой протоке.
Частоколом берез мир Любви обнесен;
изумрудным огнем полыхают их свечи...
— Кто доскажет последний и вещей мой сон?
— Кто теперь от хворобы внезапной излечит?..
Широко разошлась на полнеба заря.
По полянам трещат шепутные сороки.
Я у тетки учусь: от ее словаря —
у меня эти русские добрые строки!..

2003

ЗЕМНАЯ ОБИТЕЛЬ

Виктору Бокову

Стынет в поле кривой одинокий стожок,
забинтованный раннею волглою мглою.
Загундосил протяжно пастуший рожок,
и нехитрый мотив вдруг завис над землею.
Не проснулись еще работяги-шмели,
но трясет стригунок золотым оселедцем,
Я мелодию каждой кровинки земли
ощущаю и слышу взволнованным сердцем.
На пороге последнем, молясь, говорю,
осеня перстом заповедные годы:
— Слава Господу, что я родился в краю,
где тесны белостволых берез хороводы!..
Где заботливо мать пеленала меня,
и сегодня — живучие есть похоронки:
здесь упрямая и штыковая стерня
обошла стороной горловину воронки.
И в себя чистоту молодую вобрав,
черных дней я решительно рву паутину.
— С перезвонами нежными стрелчатых трав
я спокойно земную обитель покину.

1993

РЕКА РУССКОЙ ОСЕНИ

На просторах донских есть поселок Лесной —
с чистотой родников, с журавлиными вскриками...
Этот край близок мне зоревой тишиной
и берез откровенными ликами.
Березняк — кладовая мелодий и слов.
Он прощается грустно с охриплыми птицами...

— Кто в нем ночью бродил и у белых стволов
наследил золотыми копытцами?..
Это осень свои заявляет права
над пружинами трав и глухими погостами...
Но приходят ко мне молодые слова
там, где к Дону криницы подверстаны.
Я приветствую день самой новой строкой.
И озвучится с нею святая мелодия.
И всплывает в рассвете стремнинной рекой —
наша милая русская родина...

2002